

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ВОПРОСУ СТРУКТУРЫ ЭПОСА (ТРОИЧНАЯ СТРУКТУРА ОБРАЗА ЭПИЧЕСКОГО ГЕРОЯ)

Д.В. КОЛОСОВ

Издательство «Книгобек»,
г. Москва

e-mail: kolosoff.koul@mail.ru

Данная статья посвящена отражению в эпической героике, прежде всего восточнославянской, трёхчленной системы деления ранних обществ, предложенной в теоретическом аспекте Ж. Дюмезилем. Отдельно рассматривается аспект замены фигуры Пахаря трикстером. В целом данная статья является продолжением предыдущей, опубликованной в одном из более ранних номеров. В своей совокупности они представляют собой две части одного материала, посвященного структуре образов эпического героя на примере европейской эпической традиции. Основные параллели и аналогии делаются между древнегреческим и восточнославянским эпосами.

Ключевые слова: Жрец-Воин-Пахарь, богатырская троика, трикстер, Алёша Попович.

При всем разнообразии трудов по типологии эпоса существует не так много работ, посвящённых генезису эпической героики, а именно двум проблемам:

А/ особенностям и тождеству перемены эпических поколений;

Б/ троичности образа эпического героя.

Б

Символика троичности свойственна сознанию человека и всей мировой культуре. Троичная структура проявляется на архетипическом уровне, что великолепно продемонстрировал Юнг¹. Троицы на сакральном уровне возникли ещё в ранней древности, но появление их соотносится с началом эпической эпохи, ибо в начале, до формирования пантеонов богов, первенствовали все же культурные герои, либо в единичном выражении, либо в противопоставлении богам, либо в оппозиции с трикстером.

Ярчайший пример единично-двоичного восприятия нуминозного – Прометей. Поначалу это единичный культурный герой, вопреки воле богов наделяющий человека всеми возможными благами, воплощёнными в архетипических образах быка и огня, иначе говоря – в пище материальной и духовной.

Но тут же подле Прометея появляется отрицательный двойник, своего рода неверно спроецированная его тень – Эпиметей². Если Прометей – «предвидящий», даже предшествующий созданию, – Эпиметей в буквальном смысле крепко лишь «задним умом». Потому он разрушает все начинания Прометея – и даже не сам, на это у него недостаёт ума, а с помощью Пандоры – той самой *femme fatale*, что с торжеством патриархата признается обществом источником всяческих бед³.

С развитием социальных отношений единая либо бинарная фигура культурного героя приобретает троичную структуру, что уже окончательно свидетельствует о переходе на эпическую ступень – социума и ментальности.

Классическую троицу, – а чаще и не одну, – можно найти фактически в любой культуре. Троичная структура проявляется сразу на сакральном и «профанном» уровне. На сакральном это – многочисленные божественные троицы: Мардук-Син-Шамаш у шумеро-аккадцев, Осирис-Гор-Исида у египтян, Варуна-Индра-Агни, Варуна-Индра-Митра, Тримурти у индийцев, Зевс-Посейдон-Аид, Зевс-Аполлон-Дионис у греков, Янус-Марс-Минерва, с последующей заменой Януса на Юпитера у римлян, Один-Тор-Локи и пр.

¹ Юнг К.Г. Попытка психологического истолкования догмата о Троице. Ответ Иову. М., 1995.

² Здесь уместно повторить трактовку Юнга, обозначающий трикстера как взгляд «я», брошенный в далёкое прошлое коллективного сознания, ещё не дифференцированного. Эпиметей, по определению Юнга, «персона», в противоположность «самости» Прометея – Юнг К.Г. Психологические типы. М.; СПб., 1995, гл. 5.

³ Лосев А.Ф. Античная мифология в её историческом развитии // Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 88.

Где-то принцип троичности реализуется на эпико-героическом уровне: Агамемнон-Ахилл-Одиссей у греков, Вяйнямейнен-Ильмаринен-Ёукахайнен (Лемминкяйнен) у финнов и карелов.

Социумно троица получила выражении в трёхчленной структуре человеческого общества, убедительно доказанной Дюмезилем⁴, выделившим три архетипических категории социума: Жрец, Воин, Пахарь.

С теми или иными незначительными отклонениями означенную троицу можно вычленивать фактически в любой эпической традиции, за исключением, быть может, наиболее архаических. Если взять греческую, мы найдём не одного героя под каждый из типов. Роль Жреца исполняют установители закона вроде Миноса, и прорицатели вроде Тиресия или Мопса. На роль Воина претендует любой великий герой, прославившийся истреблением нелюдей или враждебных людей – Геракл, Персей, Тесей. К категории Пахаря или творца вообще можно отнести героев-демиургов: известнейший пример – Дедал.

Сохраняется эта традиция и в третьем поколении героев, когда налицо «классическая» троица героев – Агамемнон, Ахилл, Одиссей. В данном случае Агамемнон, как верховный вождь, исполняет функции Жреца. Ахилл – идеальное воплощение Воина. Несколько сложнее привязать к архетипу Пахаря многогранную фигуру Одиссея, равно расположенного как бранному, так и к мирному труду. Однако это противоречие легко разрешимо.

Е.М. Мелетинский, разбирая принцип троичности в скандинавской традиции, выделяет две Троицы. Одна из них классическая – по Дюмезилю: «*Один, Тор и Фрейр как царь-маг, воин и носитель плодородия-богатства*»⁵. Но тут же и вторая – Один-Тор-Локи.

Казалось бы, Локи совершенно не сопоставим с Фрейром, однако здесь имеет место социо-культурный генезис ментальности. При переходе на героический уровень, как в культурном, так и в эпическом его аспектах, один из элементов изначальной троицы подменяется новым. На смену Пахарю идёт трикстер, что часто свойственно эпике, в классическом ее виде отстраняющей, а то и исключаяющей трудовую функцию героя в пользу хитреца, плута, когда появляются фигуры, подобные Одиссею, Ёукахайнену, Алёше Поповичу⁶. В новой троице появляется противостояние, свойственное эпохе разложения героизма в пользу цивилизации, выраженной властителем. Возникают три оппозиционные пары, противостояние в которых проявляется более или менее выражено: жрец-воин, воин-хитрец, хитрец-жрец.

Первое противостояние является стержнем всей «Илиады», в основе сюжета которой – конфликт между Ахиллом и Агамемноном. Трикстер Одиссей свою позицию как потенциального лидера до поры до времени не проявляет: он лоялен Агамемнону, лоялен Ахиллу, при том, не претендуя на первые роли; но уже в «Малой Илиаде» он – один из двух главных действующих персонажей.

Схожую оппозицию можно отметить у финно-карелов. Ведущим эпическим персонажем здесь является Вяйнямейнен – демиург и шаман⁷, посредством магии добывший огонь, железо, построивший первую лодку, сплётший рыболовные сети, а то и вовсе – сотворивший мир⁸. Вяйнямейнен похитил у темной матери Лоухи для людей сампо – олицетворение абсолютного блага⁹, небесные светила.

Ильмаринен – тоже демиург, но в отличие от Вяйнямейнена – «кователь небесного железа», «*идеализированный и в какой-то степени обожествлённый кузнец*»¹⁰. Если культурный герой Вяйнямейнен «опустился» до ремесла, кузнец Ильмаринен, напротив,

⁴ Dumezil G. The Archaic Roman Religion. Chicago, 1970; Dumezil G. Types épiques indo-européens: un héros, un sorcier, un roi. P., 1971; Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.

⁵ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа М., 1976. С. 253.

⁶ К слову, именно такую трактовку образа Алёши, объясняя её негативным отношением к «поповскому племени», дал ещё Вс. Миллер: Миллер В. Очерки русской народной словесности, М., 1910. Т. 2. С. 161.

⁷ Элиаде М. История веры и религиозных идей. М., 2008. Т.3. С. 36; Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса, Ранние формы и архаические памятники. М., 1963. С. 25.

⁸ Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. С. 119.

⁹ Сампо можно отождествить также с землёй – см. Евсеев В.Я. Исторические основы карело-финского эпоса, кн. 1. М.-Л., 1960. С.93.

¹⁰ Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. С. 126.

поднялся до уровня демиурга. Он создал-воссоздал те чудесные для человека предметы, которые Вяйнямейнен сотворил колдовством. Если Вяйнямейнен похитил сампо, то Ильмаринен изготовил его «из пушинки лебединой, из кусочка веретёнца и из молока коровы, и из ячменя крутинки», как выковал плуг, меч, коня, золотую деву.

Третий культурный герой финно-карелов – Ёукахайнен либо Лемминкяйнен. Это типичный трикстер, неудачник, разрушающий каждое начинание Вяйнямейнена¹¹. При этом, в отличие от скандинавской троицы, трикстер-Ёукахайнен происходит от архетипа не Пахаря, но Воина – очень неудачливого воина, не только неспособного противостоять силам зла, но и лишаящего своим неосторожным бахвальством человечества уже почти обретенного высшего блага – сампо.

Не являемся исключением для общего правила и славянская эпика, где можно выделить как минимум две подобные троицы – древнейшую и классическую.

Первая состоит из архаических богатырей, представляющих зарю славянской эпика, не исключено, что вплоть до праславянского пласта ментальности. В первую очередь, это касается Святогора, фигуру в абсолютной степени бездеятельную – по образному определению К.С. Аксакова, силу без воли.

Как бы не оценивать Святогора, сопоставляя его с тучей, как это делает А.Н. Афанасьев¹², либо с горой – «бесплодной непроизводительностью горных пород»¹³, несомненно, Святогор – древнейшее олицетворение воина, вооружённой силы этноса, причём этноса молодого, пробуждающегося, пассионарного. Опираясь на теорию Л.Н. Гумилева, Д.М. Балашов соотнёс фигуру Святогора с пассионарным подъёмом в эпоху становления праславянской общности, чей ареал фольклорист определил в горах Придунавья¹⁴. Когда же пассионарный дух праславянского этноса ослаб, и начали формироваться субэтнические общности, ведущие роли в которых играли неславянские элементы, могучая фигура Святогора приобрела запредельную инертность, обратившись в фон для подвигов новых героев, в символ изменения самой ментальности нового поколения – отказа от гигантизма и расчета пусть на богатырские, но вполне человеческие силы.

В это же время подвергается переосмыслению ещё один былинный герой – Волх-Вольга. Этот образ поначалу возник как герой культурный, шаман, повелевающий силами природы и надеющийся не столь на физическую мощь, сколь на магическую премудрость. В ранней традиции мы имеем дело с безусловным Жрецом, медиатором между человеком и небом, обладающим даром влиять на пространство и время собственной волей, метаморфировать в любое звено природы – ясного сокола, седого волка, гнедого тура¹⁵.

По мере угасания архаики магическая функция Жреца Волха отходит на второй план. С переходом от язычества к христианскому культу подобный герой уже не воспринимается положительным: волхв Волх рискует обратиться во врага человеческого – в образе ли Змея, Соловья. По этой самой причине функции жреца уступают княжескому достоинству. Поздний герой уже не жрец, а князь, не Волх, а Вольга, и идентифицируется то с легендарным Святославом, то с Олегом Святославовичем¹⁶. Прежде непобедимый, Вольга постепенно уходит в тень, уступая даже мужику Микуле Селяниновичу, олицетворению вооружённой силы народа, как это повсеместно происходило с фигурой мага, утрачивающего былое влияние.

Заодно с Воином и Шаманом умалывается фигура и третьего члена архаической богатырской троицы – Микулы Селяниновича. Микула – классический вариант Пахаря, символизирующего производительную силу этноса. Но в любой эпике образ Пахаря, не выражающего основной функции богатыря, – противостояния смерти, обыкновенно в образе антропоморфного либо тератоморфного врага, – ограничен, обеднён по сравнению с классическим героем. Потому-то Микула Селянинович не совершает ратных подвигов: его назначение – сопровождать богатырей, исполняя своего рода роль маркитанта.

¹¹ Хотя Е.М. Мелетинский постулирует Ёукахайнена «как фигуру относительно позднюю, созданную уже в рамках героического эпоса, для того чтобы оттенить благородные черты Вяйнямейнена» (Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. С. 137).

¹² Афанасьев А.Н. Мифы, поверья и суеверья славян: поэтические воззрения славян на природу. М.-СПб., 2002. Т.1. С. 377.

¹³ Аникин В. П. Русский богатырский эпос. М., 1964. С. 29.

¹⁴ Балашов Д.М. Святогор // Русский фольклор, XX. Л., 1981. С. 10-21.

¹⁵ ВолхВсеславьевич, 40-46 / Былины. М., 1958.

¹⁶ Рыбаков Б.А. Исторический взгляд на русские былины // История СССР. 1961. № 5. С. 146.

Уже в эпоху государственности ранняя архаическая богатырская троичка была заслонена троичкой классической, живописно показанной на знаменитой картине В.М. Васнецова.

Несмотря на многогранность образов Ильи Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович вполне вписываются в традиционную архетипическую троичную схему, где Илья Муромец представляет Воина, Добрыня Никитич – Жреца; образ же Алёши Поповича – выражение той причудливой метаморфозы, что произошла со временем с архаическим образом Пахаря.

Хотя былинный цикл об Илье Муромце сложился позже, нежели легенды о двух других героях богатырской троички, образ Ильи представляется наиболее архаическим, как непомерной, в сравнении с прочими богатырями князя Владимира, силой, так и первым врагом – Соловьём-разбойником.

В отличие от своих сотоварищей, Илья воспринимался прямым преемником древней троички, о чем, в частности, свидетельствует перечисление имён Святогора, Вольги и Микулы в качестве тех богатырей, с какими калики советуют не драться Ильё¹⁷. Да и во всем образе Ильи очевидны черты архаического богатыря, одиночки, Реcke, свершающего подвиги поначалу единственно во имя собственной славы. Подобно другим архаическим богатырям, Илья – сидень, не умеющий пробудить заложенную в нем потенциальную силу. Её он получает по воле Неба, так что в своей близости с божественным Илья сродни первым поколениям греческих героев, «широкославным детям богов»¹⁸.

И все первые друзья-недрузи Ильи Муромца имеют отношение именно к этому древнему поколению. Его представитель – Святогор, наделяющий Илью большей силой. Её представитель – Соловей-разбойник, герой ушедшего поколения, воспринимающийся теперь нелюдем, таким же, какими представлялись героям Полифем или Грендель. Илья постепенно, с трудом отрывается от архаического поколения, в котором он был рождён, и какое он пересидел на печи.

Классическим героем-защитником он становится уже к концу жизни, отчего в былинах постоянно подчёркивается традиционный эпитет Ильи – «старый казак». При этом следует отметить, Илья – исключительно защитник, но никак не слуга князя, как прочие богатыри. Потому-то он, как Ахилл, оппонирует утверждающему свое превосходство властелину, оспаривая его исключительность не только прямым бунтом против власти и новой веры – «А стрелил-то по чудным крестам»¹⁹, но и собственной исключительностью в ратном деле, выезжая против врагов в одиночку, наперёд дружины и обращающийся к богатырям за помощью лишь в исключительном случае.

В отличие от Ильи, ярко выраженного архетипического воина-богатыря, Добрыня – фигура более сложная. Даже если не касаться знаменитого «крестильного» «подвига» исторического Добрыни²⁰, признаваемого многими исследователями реальным прототипом былинного персонажа²¹, несомненна связь Добрыни былинного с архетипом Жреца.

Достаточно внимательно проанализировать главную легенду о Добрыне – его странном противостоянии со Змеем. В первый раз одолев Змея, Добрыня заключает с ним договор, а решительную расправу учиняет лишь после того, как Змей нарушает свое обещание. И в обоих случаях налицо религиозная атрибутика – «колтак да земли греческой»²², а сама суть подобного двухэтапного противостояния наталкивает на мысль о том, что в первый раз Добрыня выступал в роли волхва, защищающего интересы языческого Перуна от змея Велеса, а во втором он уже обратился в апостола новой, греческой веры, что не изменило по сути фигуры Добрыни.

В отличие от Ильи Муромца, Добрыня – преданный слуга князя, проявляющий эту свою преданность не только на поле брани, но и за столом – «Он стольничал, чаши-

¹⁷ Получение силы / Илья Муромец. М.-Л., 1958. С. 10.

¹⁸ Ном.Од. XI, 639.

¹⁹ Илья в споре с Владимиром / Илья Муромец. С. 235.

²⁰ «Путьята крестил мечом, а Добрыня – огнём» (Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. М., 1988. Т.1. С. 177).

²¹ Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М., 2000. С. 51.

²² Добрыня и Змей, 157 / Добрыня Никитич и Алёша Попович. С. 8.

чал девять лет»²³. Ещё в большей степени услужлив третий персонаж богатырской троицы – Алёша Попович, самый неоднозначный герой богатырского братства.

По-видимому, былинный Алёша также имел своего исторического прототипа. Историческую (псевдоисторическую?) канву образа Алёши Поповича подробнейшим образом разбирает В.И. Калугин²⁴. Обычно Алёшу отождествляют с Александром Поповичем, павшим в битве при Калке – «И Олександр Поповичъ ту же убиен бысть с инеми седьм-десятью храбрых»²⁵ – и отличившимся в иных бранных делах. Летописный Александр Попович – герой, безусловно, положительный, а вот былинный витязь далеко не столь однозначен ни в своих помыслах, ни в своих поступках.

В.Я. Пропп отчаянно защищает этого богатыря, именуя его «ярким выразителем русского национального характера», отличающемся «остроумием и жизнерадостностью», смелостью «до безрассудства»²⁶; однако должно признать, что это чрезмерно упрощённая, более того, политизировано идеализированная, ура-патриотическая трактовка, ибо Алёша во всех своих поступках безмерно далёк даже от далеко не идеального в нашем понимании идеала героя. При этом сам Владимир Яковлевич, разбирая былинную неудавшуюся женитьбу Алёши на невесте Добрыни, по сути, опровергает свои доводы в пользу благородства героя. Той же точки зрения придерживаются и все прочие видные исследователи русского фольклора, замечая, что Алёша совершал поступки, «которые не всегда достойны богатыря»²⁷.

С Алёшей связан ряд мифов: главные – о поединке с Тугарином и о сватовстве. В отличие от старших сотоварищей, полагающихся на силу и веру, Алёша предпочитает действовать хитростью. Тугарина он побеждает посредством примитивной уловки.

На что ты, Тугарин, да за собой силу ведёшь?

Я один да один, как да пёрстичёк,

Ты, Тугарин, да за собой силу ведёшь!

Он поворачивал коня да коня накруто.

Этот тот-то Олёша повертлив был,

Повёртывал да под конину гриву,

Отсекал он своей да саблей вострой,

Отсекал он своей да саблей востренькой

Голову Тугарину Змеевичу»²⁸.

Подобный прием не свойственен классическому богатырю²⁹. К обману прибегают лишь немногие из героев: в греческой традиции классический пример тому – Одиссей, уже по факту рождения обречённый на характер плута³⁰. Алёша выступает подобным же трикстером, как ни оправдывай его деяние наличием острого ума³¹. Одиссей тоже почитался самым многоумным среди ахейцев, что вовсе не являлось свидетельством его благородства, явно не присутствовавшего в ряде поступков, например, обмане Аякса³².

Вот и Алёша Попович являет собой некую славянскую параллель Одиссея – типаж героя, не гнушающегося ради достижения цели никакими средствами. Это – типичный трикстер, к тому же великолепно вписывающийся в классическую троичную схему, подобную, скажем, скандинавской троице Один-Тор-Локи.

Более того, в былинах о сватовстве Алёши, герою приписывают настоящую подлость – попытку обманом завладеть невестой Добрыни, за что Алёша и получает полную мерой.

Брал да Алёшу за желты кудри,

²³ Три года Добрынюшка стольничел, 5 / Добрыня Никитич и Алёша Попович. С. 159.

²⁴ Калугин В.И. Герои русского эпоса. М., 1983. С. 138-149.

²⁵ Лихачёв Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче. Тр. ОДРЛ. Т. VII. М.-Л., 1949. С. 26.

²⁶ Пропп В.Я. Русский героический эпос. М.-Л. 1955. С. 201-200.

²⁷ Добрыня Никитич и Алёша Попович. С. 350.

²⁸ Алёша Попович и Тугарин, 109-117 / Добрыня Никитич и Алёша Попович. С. 186.

²⁹ Но богатырю отходящей эпике. Ср. как действует Лемминкайнен в поединке с хозяином Похьолы – Калевала. Избранные руны. Петрозаводск, 1970. С. 174.

³⁰ Версия об отцовстве Сизифа – Eur. Phyg. 524.

³¹ «Алёша действительно обманывает в бою поганое Идолице или Тугарина. Но это не значит, что он трус и обманщик. Он побеждает более сильного противника превосходством своего ума» (Пропп В.Я. Русский героический эпос. С. 203).

³² Apollod.Epit.V, 6.

*Прямо через стол передёргивает,
Начал шалыгой поворачивати:
В буханьи не слышно окханья;
Не дал ему смерти скорья,
А дал ему безвечье вековечное³³.*

Так почему же безусловно положительный исторический прототип, если согласиться с отождествлением былинного Алёши с витязем Александром Поповичем, вдруг приобретает столь малосимпатичные черты неверного товарища, способного нанести удар исподтишка как недругу, так и другу? Причем традиция изображать Алёшу Поповича в роли трикстера, интригана перешла из эпики в позднейшую народную сказку³⁴. Порой это пытаются объяснить некоей причастностью Алёши к поповскому роду, что будто бы не вызывало симпатии сказителей былин –

*Алешенька роду поповского:
Поповские глаза завидуице,
Поповские руки загребуице...³⁵*

Объяснение приемлемое, но едва ли убедительное, особенно если учесть, что образ Алёши как поповского сына сформировался позже возникновения былинного образа в целом, когда язычество уже утратило свою притягательность, и христианство сделалось народной религией.

Думается, причина кроется в ином. Генезиально, по мере развития эпоса, изменения ментальности самой героической эпохи образ героя-основателя, демиурга, творца, подателя благ отходил на второй план, метаморфируя под влиянием иных ценностей – стремления к славе, богатству, а потом и власти. К славе герой отныне стремился любой ценой – отсюда его неразборчивость в средствах. Когда сокровище стало тождественным славе, появился мотив «рук загребуищих». Когда память в потомстве стало определяться уже не только свершёнными подвигами, но и положением человека в общественной иерархии, появилось стремление к власти, достичь которой все проще было не героическими свершениями, а службой, ухищрением. Именно потому на смену Пахарю пришёл трикстер – тот самый Одиссей, ради славы променявший ячменное поле на бранное, тот самый Алёша Попович, сменивший в богатырской троице мужика Микулу.

SOME NOTES CONCERNING THE EPOS STRUCTURE (TERNARY STRUCTURE OF THE IMAGE OF THE EPIC HERO)

D.V. KOLOSOV

*Knigovok Publishing,
Moscow*

*e-mail:
kolosoff.koul@mail.ru*

The article investigates the heroic epos, Slavonic in the first place, as a trinomial system of early societies divided as proposed by Dumizel. The replacement of the ploughman by a trickster is dealt with separately. In general, this article is a continuation of the previous one, published in one of the older rooms. Taken together, they represent two parts of the same material on the structure of the image of the epic hero by the example of the European epic tradition. The main parallels and analogies made between Greek and Eastern Slavicepic.

Key words: Priest-Warrior-Ploughman, a trinity of heroes, trickster, Alyosha Popovich.

³³ Добрыня в отъезде 204-209 /Добрыня Никитич и Алёша Попович. С. 267.

³⁴ Астахова А.М. Народные сказки о богатырях русского эпоса. Петрозаводск: Карелия, 1970. М.; Л., 1962. С. 69.

³⁵ Добрыня Никитич и Алёша Попович, с. 350.